

Марина Эскина

Странный союзник

Марина Эскина

Странный СОЮЗНИК

Третья книга стихов

БОСТОН • 2014 • BOSTON

Марина Эскина. Странный союзник. Третья книга стихов
Marina Eskina. Strannyi Soiuznik (Strange Ally). Poetry

Copyright © 2014 by Marina Eskina

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1-940220-10-9

Library of Congress Control Number: 2014942298

Макет: M•Graphics Publishing © 2014

Обложка: Анна Агнич © 2014

Фото на обложке: Анна Голицына © 2014

Published by M•Graphics, Boston, MA

 www.mgraphics-publishing.com

 info@mgraphics-publishing.com

mgraphics.books@gmail.com

 (781) 990-8778

Printed in the United States of America

ISBN 978-1-940220-10-9

ИЗ РЕЦЕНЗИЙ НА КНИГУ «КОЛЮЧИЙ СВЕТ»

...Перед читателем отнюдь не привычное собрание ранее напечатанного и легко переместившегося из периодики под одну обложку. Это продуманно составленная «книга стихотворений»... Как и полагается «книге», в ней есть своя композиция, движение сквозных мотивов, из которых, по-моему, самый влиятельный — экзистенциальный мотив времени.

Елена Краснощекова, Новый Журнал.

...Марина Эскина пишет просто — без банальностей, и сложно — без модной зауми... Стихам присуще строгое соблюдение баланса, осязаемого и в грациозной архитектонике стиха, и в искусно созданных образах, которые создают эффект гармонии и равновесия... Эскину можно назвать поэтом-путником. Концептуальная метафора «жизнь, как путь» — одна из узловых в ее книге.

Марина Гарбер, Новый Журнал.

СЛОВА ВЗАЙМЫ

* * *

Один, и признавать, и отпираться
убого, в радости, в беде — один,
сопротивляться, каяться, казаться

умней, искать других вершин, глубин,
проявишься и скроешься, и снова
в попытках крайностей и средин,

в прострации молчания и слова,
в разрывах туч, в мельканьи годовщин
всё зыбко и непрочно, ты — основа,

предел желанья и его «овчин-
ка выделки не стоит», как подсказка,
неукротимость следствий и причин,

заноза одиночества и ласка,
то всюду ты, то — еле различим,
сомненье, тайна, крик души, огласка,

так и с лицом, и с именем твоим.

* * *

Кипарисы и пинии вдоль дороги Ладисполь-Рим
мелькают в окне автобуса, но замечаешь скоро —
точка-тире-точка — это мы говорим
с тем, кто дал нам сердце и разум для разговора.

Я говорю — рай, благословенный край,
благословен дающий сфумато дождя и оливки солнца, —
считываю ответ — не выбирай, вбирай,
уходит всё, биенье причастности остаётся.

Нет ни вчера, ни завтра, только всего и есть,
что получаешь и отдаёшь случайно.
Морзянка пиний и кипарисов, тайная весть,
которая не хочет, не может остаться тайной.

* * *

Прощаться надо раз и навсегда,
как распрощались небо и вода,
когда их в день творенья разделили,
а мы свое прощание на мили
продлили, на года.
Но если всё иначе, и они
друг в друга всматриваются все дни,
вода и твердь, порой неразличимы,
тогда бы этой верности могли мы
быть, кажется, сродни.

В поезде

Горизонтальный, летящий осенний свет
каждую ветку в рощице обволок.
Тень в этом свете подробнее, чем предмет,
день в этом свете — глянецовый каталог.

Будет ли радость похожа на весть о ней,
света нежней, пронзительнее зимы,
лета просторнее, осени солоней,
слаще, чем слово, данное нам взаймы.

* * *

На птичьих правах день,
на птичьих крылах — тень,
томительна канитель,
декабрьская неметель.

Есть ветер, но нет зимы,
есть посох, но нет сумы,
отпущенные из тьмы
не станем спешить и мы.

А тот, кто включил свет,
конечно, подаст весть,
из полных небесных сот
полуденный мёд прольёт.

ВОКРУГ ПРУДА
(ВАРИАЦИЯ НА ТЕМУ)

Опять хождение по кругу
без приближения к тебе,
гусей качает ветер юго-
восточный, облако к трубе
льнёт, примеряя образ дымный,
свет распластался на воде.
Да, то, что обещаешь ты мне,
есть в каждой мелочи, везде —
в прибрежных сорняках, в случайных
следах кроссовок на земле,
в невесть что здесь нашедших чайках,
в мистических Добре и Зле.
Послезакатное свечение
умеет голову кружить,
и хочется просить прощенья
и, как это ни странно, — жить.

**27 ОКТЯБРЯ 2004 —
ПОЛНОЕ ЛУННОЕ ЗАТМЕНИЕ**

Не помню сколько лет назад,
луна накрылась на глазах
в продутом небе над метро,
перевернув моё нутро.
Теперь, совсем в иных краях,
я вспомнила дикарский страх,
когда затмение луны
уже не повод для уны-
ния. Оно — дорожный знак
в пути,
с которого сойти
нельзя никак.

* * *

Один апокалипсис не отличить от другого,
как слово ни пестуй в колючем и нежном цветке,
тугие венки, их сплетённые в косы основы,
согнут и притянут его к безымянной дуге.

А ласточек выпустишь вместе с другими резвиться
над крышей, в светлеющей к ночи лазури густой,
и каждая метко находит гнездо в черепице,
блеснув на прощание юркой своей правотой.

Ключница вечность

* * *

Милые мелочи,
малые мощности вольницы,
жизнь — мельница воздуха,
но сперва — молотилка бессонницы,
дни молотит, набивает слова в закрома,
а потом рассыпает их веером из рукава,
вечность, вот кто притворщица, скромница,
хлопнется оземь — пожалуйста, осень,
а то обернётся весной
и журчит, говорливая странница,
кому что привидится, то и достанется,
стрекозиных нарциссов увядший модерн,
безголовых тюльпанов толпа,
граждане клумбы, Роден.
А в придачу —
зелёное море и синее,
без усилия
между ними рождается звук,
от призывного клёкота, щёлканья, пения,
до голодного крика,
от любви, Эвридика,
до царства теней
в ней,
до судебного иска терпения.
Как заучится, так и получится,
ключница — вечность,
скупая попутчица.
Гнёзда пустеют,
но крыльями машет без роздыха
жизнь — мельница воздуха.

* * *

О, как подробна жизнь, не моя — чья-то!
Вот одуванчик, левкой, крапива, мята,
помидоры, укроп, картошка, листы салата,
сосны, дубы, опята, всё, чем земля богата,
простите, если я виновата,

законы Ньютона, Ома, квантовые частицы,
птицы бессчётно — скворцы, воробьи, синицы,
цветущие липы, озёра, моря, границы,
некуда деться, мигрень мне мешает спиться,
фауна, или флора, меня боится.

Брошки-матрёшки, чайник-сотейник, блюда,
миски, тимпаны крышек — ржавеют, бьются,
книги в пыли тоскуют, вокруг пасутся
безделушки и, победители революций
технических, песни льются.

А у меня всего лишь цвета — зелёный, красный,
синий, жёлтый. Звуки — согласный, гласный,
трубный, детский, старческий. Собралась, но
знака не подали, видно, ждала напрасно,
да и чего не ясно.

Осязание, обоняние, горечь, голос,
благодарность — шестого чувства полюс,
дождь, оркестрованный водостоком. Помесь
холмов с долинами — лицо, в ладонях крётся,
и в подсознании — хронос.

* * *

Вере К.

Безошибочно ритмы сбиваются на раз, два, три...
Завернувшийся в скерцо, послушно вращается вальс,
или это сознания первый птенец изнутри
пробивается, и вырастают, как перья, слова.

Сколько раз эта музыка мёртвым движением была —
Дездемона, Офелия, Нина, Джульетта —

плаща

накрывала полá, и качала на вóлнах, и жгла
ядом ревности, нежности, боли, безумья.

Поцца-

ды не ждут, и не просят —

и раз, два, три, раз, два, три, разъ-
единяет не вальс, но прерывистый пульс, этот рок-
от литавр, эта кровь, закипевшая в нас,
кислорода последний глоток.

Письмо из Цурау*

Мыши снятся к бессилию. Мыши хоронят кота,
потом облепляют лошадь с головы до ног,
и всадник скачет верхом на мышах, и так
повторяется за ночь много раз, изнемог

я к утру совершенно. Беготня их сводит с ума,
шорох, шелест, шуршание, перелёт, недалёт,
шлёпанье маленьких тел, возня, кутерьма,
туфли обгрызены и на столе помёт.

Утром на листе многоточие там, где я
точку вчера поставил или вопрос.
Как будто я снова мальчик, вокруг семья,
меня отправляют спать, ещё не дорос,

ещё не дорос до объяснений, писем, обид.
Какой позор, страшно во сне, темно,
свет под закрытой дверью, и говорит
Жозефина, королева мышей, со мной.

Завести кошек, подписать мышам приговор,
приговаривая: плохой из меня судья.
Кошки расплодятся несметно мне в укор,
потом и от них не станет житья.

* Кафка посылал из Цурау много писем друзьям в Прагу, там написаны и знаменитые «Афоризмы».

ДЮРЕР

В зеркало смотрел он всякий раз
так, что нам теперь от полотна не оторваться,
если надо было обходился без прикрас,
но в расцвете сил мог и покрасоваться.

Взгляд — сосредоточенность и до конца
погружённость, и слияние до покоренья
прихотей пейзажа, позы, черт лица —
жадность в прославлении творенья.

Чтил отца и мать, обоих рисовал
сдержанно, внимательно. На пробу
резал доски Апокалипсиса, многим рисковал,
но заочно покори́л Европу,

странствовал, а то бежал чумы, тоски,
с дураком не спорил, умных не боялся, линии
цену знал и так непревзойдённо клал мазки,
что сподобился похвал Беллини.

В Прадо молодой его автопортрет
смотрит с гордостью и с ощутимой болью,
что он думает, хорош собой и разодет,
Босха не спросить, Веласкеса и Гойю.

СЮИТЫ БАХА

Виолончель не знает слов, но ей
дано сказать о будущем и прошлом,
не завязая в будничном и пошлом
зыбучих дней.

Дано сказать, прижав к струне смычок,
смиряя дрожь руки, плеча, колена
объятием спасительного крена
в один пучок.

И этот звук, солёный и густой,
кипит в аорте и течёт по венам
путем единственным, обыкновенным
для истины простой.

ЖАРА

Медвежий угол, заросли малины
на вырубках бескрайних (середины
сороковых), берёзы и осины
стоят, как пролетарии всех стран,
заглох просёлок, в двух шагах граница
канадская, пот заливает лица,
цикады перепиливают солнце,
и где-то на востоке — океан.

Закрыв глаза на время и пространство,
впотьмах животное минуя царство,
растительному продаёшься в рабство
за кислород, точнее за обман.
Строй комариного кордебалета
редет, просека с холма в болото
спускается, и в середине лета
гроза и озеро всегда в пандан.

Восьмистишия

* * *

Сколько времени, спрашиваю себя,
или нет времени? Не слышно хода
маятника,
 флюгер, всхлипывая и хрипя,
мечется, пробует есть ли ещё свобода,
и какая именно, вертеться туда-сюда,
дать пощёчину ветру,
 не важно куда он дует.
Так и не научусь никогда
игнорировать время, не тратя его впустую.

* * *

Пока глициний синий водопад
не упадёт на стену гаража
соседского, не лги себе, что рад
и есть душа.

Когда из ошалевшего куста
забьёт сирени утренний фонтан,
войди в него и сосчитай до ста,
и будешь пьян.

* * *

С. Б.

Опять разбежишься и в воду
ныряешь, в прибой ледяной,
весёлую выбрав свободу,
где волны играют тобой,

а солнце с усердьем зеваки
готово сквозь ветер смотреть,
как некто в бреду и отваге
пытается море согреть.

* * *

Я свободна, как свет и вода,
юность, милая сводня,
отпустила меня навсегда,
со вчера на сегодня.
Торопись, видишь в зеркале ждут,
распишись в получении
смысла жизни, веков и минут,
в первом чтении.

* * *

Бог поливает цветы у себя в саду,
а у нас, внизу, дожди и такой туман,
что темно по утрам и дрозды не дудят в дуду,
вяжет горло лето, неспелое как хурма.

перемучались, расцвели было липы вчера,
после капал липкий дождь на траву весь день,
и не вышла на работу опять пчела,
прожужжала, что берет себе бюллетень.

* * *

Ничем не лучше малых сих,
мы все у жизни проходимцы,
подслеповато моросит
дождь, не даёт марать страницы.

Я жду под фонарём косым,
в конической палатке света,
начала осени, и с ним —
конца безверия и лета.

* * *

Каждый лист жаждет жизни отдельной,
снялся с ветки и сразу в бега,
конвоир, массовик и затейник,
ветер гонит их под облака.

Не узнать в этом вьющемся сброде —
мятом ворохе сорванных с мест
красок, слов, очертаний, мелодий —
бывших крон золотой палимпсест.

* * *

Не верю снам, но просто их люблю,
и страшные — за то, что просыпаюсь,
и сладкие, когда грешу и каюсь,
и странные, в которых слезы лью.

Вот так, люблю — как будто горя мало,
как будто радости не полон рот,
мне снился сон, я в нём не закрывала
дверей, и шли часы наоборот.

ВЬЮГА

Вьюга тянет упрямое небо к земле,
снег, скрипя под ногой, напевает,
что, мол, этого только и надо зиме,
свет линяет и жизнь убывает.

Над рекой без моста, на кругах площадей
гонит, вьюжит, метёт и заносит,
и позёмка летит впереди лошадей,
всё, как нам обещали в прогнозе.

Запорошенный снегом притих тротуар,
только шинного следа ребро
приведёт к перекрёстку, к дрожанию фар,
к голубям на решётке метро.

СКАЗОЧНАЯ СЕРЕДИНА ЛЕТА

Бергамо

Е. Колотовой

Гробница Кондотьера Коллеоне,
аэропорт Валерия Катулла,
Бергамо, прилепившийся на склоне
холма так ловко, что его не сдуло
за два тысячелетия. И даже,
карабкаясь под крепостные стены,
люди полудикий превращался в граждан,
и город разрастался постепенно,
в тисках Венеции, в борьбе с Миланом,
то взнуздан Коллеоне, то — Висконти.
Как тут не стать строптивым и упрямым,
лукавым, изворотливым.
Извольте не раздражаться или угодите
в историю, впросак, в засаду, в сети —
пока на Piazza Vecchia сидите —
в сюжет Гольдони, в ноты Доницетти.*

* Композитор Гаэтано Доницетти родился и жил в Бергамо

Верона

Верона в жаркие объятия
приемлет потную толпу,
роса с Джульеттинога платья —
испариной на каждом лбу.

А Франц Фелиции напишет,*
ведя вдоль фрески взгляд сухой,
что Пизанелло он не слышит,
заполненный глухой тоской.

Верона поразить хотела
дугой реки, красой церквей.
Любви до этого нет дела,
когда Джульетта всех милей,
все девы рядом с ней — вороны.
И соглашается Верона.

* Франц Кафка послал своей невесте открытку примерно такого содержания из Вероны.

Понедельник в Мантуе*

Мантенья инспектирует пустой Palazzo Ducale,
рядом няньки клюют носами в зачахшем садике,
спит, поблёскивая, вода в канале,
который ещё не до конца загадили.

На соборе часы не передвигают стрелки,
плавает посредине озера тень от облака,
форель, распластанная на тарелке,
символически отделяет ланч от обморока.

Сказочная, спящая середина лета,
редкий прохожий на залитой солнцем площади
раздвигает взглядом горячую чашу света
и не встречает никого на лошади.

* в понедельник многие музеи в Италии закрыты.

Lago Maggiore *

Lago Maggiore,
влага во взоре,
солнце в зените,
запахи моря,
радужно-синий детских флотилий
— I am your captain, вы заплатили?
— Isola Bella? Isola? или?
Пьяны шампанским летного ветра,
мятым английским прошлого века,
редкие зубы, белая кепка,
солнце заходит, I am your captain.
Что нам здесь делать,
Золушка, детка?
Официанты — чехи, поляки,
немцы — туристы,
медные бляхи,
красные блики,
кофе, бутики.
Ешьте мороженое осторожно,
здесь всё возможно, всё здесь возможно.

* Lago Maggiore — озеро на севере Италии, Isola Bella — один из островов на озере.

Милан

Милан и по хорошу мил и по милу — хорош,
кому — пассаж, кому — пейзаж, кому — под сердце нож,

собор остёр, что твой костёр, и жжёт еретика,
июльским солнцем зажжена, пылает готика.

Сфорцетто — пуст, тщета, пьета, бессмертье косяком;
из Мэйна русская чета в кафе за столиком.

Летит развёрстка голубей, скомканные листы,
и твердь над головой синее, чем глоток воды.

В СОЛЁНОМ ЗАБЕГЕ ДНЕЙ

БАЛЛАДА

Я ночью во сне теряла багаж и ключ,
паспорт и справку о том, что сейчас живу,
не открывались глаза, но — «Себя не мучь», —
сказал мой голос отчётливо, наяву.

Скрипели часы ночные, ночной покой
был беспокоен, и слёзы текли рекой.

Во сне всю ночь я плутала в толпе, в огнях,
опаздывая и путаясь второпях,
садилась на самолёты и в поезда,
идущие и летящие не туда.

Дрожали часы ночные, ночной покой
был безутешен, и слёзы текли рекой.

Всю ночь я что-то теряла, и снег потерь
ложился, как одеяло, в мою постель,
метель, заметая память, стирала след,
сквозь лёд сознания пробиться не мог рассвет.

Молчали часы ночные, ночной покой
был безразличен, и слёзы текли рекой.

НАВСТРЕЧУ

Припорошено кладбище снегом, над рошей дымки,
свалка автомобилей у полужамёрзшей реки,
золотые колёса по голым стволам, как по шпалам.
Волны сумерек поезд качают и бьются в стекло,
длинной каплей медовой последнее солнце стекло,
по глазам полоснуло откуда-то брызнувшим алым.

То ли время бежит, то ли поезд на стыках дрожит,
самолётик над полем а, может быть, птица кружит,
я за третьей звездой, догоняя, вбегаю в Субботу,
страха мелочь рассыпав и шарф потеряв по пути,
припадаю к губам, прижимаю, зажмурясь, к груди,
открываю глаза и тогда прекращаю работу.

* * *

Проза жизни, оставим её в покое,
есть ли в ней поэзия, и на кой ей
она, и какая ещё струна, окромя гитарной,
отзовётся на вой неотложки или пожарной...
Если угодно, оды плети обеду,
кастрюле — стансы,
Всё равно им будут милей романсы,
разлагающие, как призма,
белый свет до пестроты трюизма,
празднично-гибельного. Защита
спелась с обвинением, шито-крыто.
Собирая граблями листья, вскрывая вены,
можно быть вдохновенным,
но проще — обыкновенным.
Проза жизни умеет, не написав сонета,
постоять за себя, дать сдачи, не дав ответа.

ЕНОТ

Ленивый запах разлагающейся плоти,
мы думаем, что пишем историю,
но получается фарс, реже — наоборот.
Тили-тили тесто, ливень месит землю,
пытаясь обручить её с небом,
земля прикрывается асфальтом,
протяжно перекликаются горлицы,
по утрам жарко и влажно,
енот всё ещё лежит на обочине,
знакомый запах разлагающейся плоти.

* * *

*When a man is tired of London,
he is tired of life...*

Samuel Johnson*

Я не устала от Парижа, Лондона, Рима,
от любви, страха, осени, весны, лета.
Жизнь прозрачна, уже почти растворима,
но ещё не до конца воспета.

Я не бегала от работы, мечты, ответа,
от десницы карающей и дающей.
Вспоминай меня когда-то и где-то,
в чаще жизни, в самой её гуще.

* Если человек устал от Лондона,
значит он устал от жизни...

Сэмюэль Джонсон.

Яникулум

На холме на зорьке петушок пропел, пропел петушок,
душу разбудил, бередил, о тебе напомнил, дружок,
вижу, слышу твой смешливый взгляд, отчаянный смех,
оттого, может быть, что не ближе, ты — милее всех.

Тень холма на вечный песочный город ползёт, как прилив,
точно время хочет себя разровнять и стереть.
Солнце плавит спину, но всадник стоит — победив,
и теперь наш черёд решать: Рим или смерть,*

Мир казался необъятным, и ослеплял Рим
даже на задворках. Где задворки у него, кто разберёт.
Набережная, сигарета — хватало одной двоим, —
и платаны вдыхали призрачный дым свобод.

Солнце ухнуло за холм, вращаясь вокруг Земли,
докажи, попробуй, обратное...

Карусель

мотоциклов неоновых погасла, встала. И увели
пони, чёрно-белого, как тот апрель.

* Памятник Гарибальди на вершине холма Яникулум,
«Рим или смерть» — девиз Гарибальди.

Праздник

Утро, носятся белки, их бег на месте
не суета, не игра — это дело чести,
жизни и смерти, выживания грядущей зимой,
то же происходит со мной.

То же включает молитву и NPR* в машине;
душ в два часа утра не даёт пружине
поднимать меня в пять, сны не снятся, даже кошмары,
и судьба наконец устает наносить удары.

Осень — время праздников, раскаяния, прощенья,
возвращения, славословий и угощенья,
мёда и яблок, кнута и пряника, семьи и Бога,
жизнь прекрасна сейчас, в шалаше, погоди немного.

* NPR (National Public Radio) — название радиостанции.

* * *

Дую в дудку, или молчу,
ничего сказать не хочу,
слово плавится на губах,
но врождённый мешает страх
разобраться в его чертах.

Не пугает напрасный труд,
и другие дела не ждут,
но чем ближе туда, к черте,
тем невзрачнее в наготу
мысли эти и те, те, те...

Опечалюсь, развеселюсь,
Миру Божьему удивлюсь,
в прахе пляшущему лучу.
Ничего сказать не хочу,
дую в дудку, или молчу.

* * *

Жизнь удлиняется на двести миль
в один конец. На станции забуду
зной, суету, растерянность. Усилить
все пять заглохших чувств, и снова чуду —
воды в бутылке, музыки в ушах
(квартеты Гайдна и концерт Шопена) —
я научусь, его не заглушат
перипетии дней обыкновенных.
Дорога — выстрел (вечером вдвойне),
трассирующий встречными огнями,
а две луны в автобусном окне
плывут, одна другую догоняя.

Дорога нам нужна, читай, разлука,
чтобы всё время догонять друг друга.

* * *

Теперь попробуем догнать друг друга.
Ещё неделя просвистит стрелой
из временем натянутого лука,
летя от сердца вон и с глаз долой.

Так время ловко поражало цели
и расставляло новые для нас,
что мы и оглянуться не успели,
как угодили в тот же первый класс,

где шансы и успехи наши зыбки.
Уже казалось — сбросишь гору с плеч,
и можно робко совершать ошибки,
а то на лавры жёсткие прилечь,

но почему-то нам доставало
уверенности: каждый день — начало.

* * *

Уверенность, что каждый день — начало,
хоть нам её и подарил Творец,
сперва мешала, после — подгоняла,
почти привычкой стала наконец,
когда мы добрались до перевала.
Что там, за ним — обрыв или плато —
угадывать не хочется, и мало
кому поможет знать, точней, никто
не выдержит подобного накала.
К тому же нас ещё и разметало
так основательно. И если днём
мы в зеркале себя не узнаём,
всё к лучшему, ведь то, что с нами стало,

вернее то, чем станем скоро мы,
неотвратимо, как приход зимы.

Воздух

Воздух, как расставание свежий,
мощный, как молодые шмели,
липами ветренно взбитый и всё же
пронизанный запахами земли —
прачечной, булочной, праха и пуха,
новой листвы и старой вины,
воздух, открытый, как чуткое ухо.
Или ответ тем, чьи дни сочтены.

* * *

Звезда в ветровом стекле
не делает ночь светлей,
не делает путь прямой,
не делает мысль ясней,
и в свете других огней,
в солёном забеге дней
попробуй забыть о ней,

не видят её друзья,
и выдать её нельзя,
но эта звезда твоя,
не сторож и не судья, —
пульс мокрого воробья,
осколок второго я,
заброшенный в те края.

ТАЛОН НА ЖИЗНЬ

О ВЕСНЕ

Птицы знают всё о любви, о смерти,
слышишь: чивик, чивик...

Мне давно в конверте
только счета приходят, письма остались в прошлом,
которое мы и вспомним не понарошку,
чем измельчённей мир, электронней, микронней,
тем бездомнее в нём душа, у которой, кроме
тела, нет на земле никакого другого дома,
так ощущение нам говорит и догма.

Птицы поют, забывчивые, о непрочном —
этого только и надо траве и почкам,
промёрзшей почве, перезимовавшим тварям —
новый, поют, на жизнь талон отоварим.
Мне бы хотелось тоже тесней прижаться
к жизни, к тебе, не в ужасе, но от жалости,
за окном две ёлки под ветром сплетают ветки,
как подруги-погодки, может быть — однолетки.

* * *

Дайте, пожалуйста, другой глобус...

— из анекдота

Огорчает погода, незаконченный опус,
здоровье, друзья, инфляция, коллеги, дети,
почти то же и радуется — дайте другой глобус,
старая шутка ловит в новые сети.
Но слова — искалеченные шрапнелью,
окровавленные, размётанные, глухие —
выковыриваю из памяти, над каждой щелью
замирая в ужасе паузой, когда сухие
губы не шепчут ни проклятие, ни молитву...
На экране — пронырливая жестокость,
запретить себе новости, в битву
бросаются не раздумывая, как в пропасть,
и важно не участие, но победа, или хотя бы вера
в победу, вера даже надёжнее, с нею шире,
решительнее можно шагнуть против страха и ветра,
задыхаясь от счастья в этом безумном,
безумном, безумном,
прекрасном мире.

Поэты

Нас много, нас можно построить
цепочкой вдоль рек и границ,
богов не хватает, героев,
воспетых, поверженных ниц.
Поэтому каждый уверен,
что сам он и бог, и герой —
без паники и суеверий —
с бессмертием не за горой.

* * *

Научи меня вечность детским своим приколам,
времени круг не вмещает квадрат пространства,
нынче важно к течениям принадлежать и школам,
а без этого — ни семьи тебе, ни гражданства,
спой-ка песню, птичка, подразни птицелова,
дай присвистну и я неумело, чаще
мы хотим себе слушателя глухого,
безразличного, как ручей журчащий,
не похвалит, зато напоит, в жару — остудит,
раскидает папоротника линованные бумаги
там, где сосны любят, пролески судят,
и полощут горло дождём овраги.

ПРИТЧА

Листья падают с клёна зелёными, скоро зима,
всё, что было живым, зажимает земля в кулаке,
но цветут ещё розы, подсолнухи сходят с ума,
время крутит спираль, застревая на тёплом витке,

одичавшие груша и яблоня кормят с ветвей,
это притча хасидская, кем-то потерянный рай,
обретённый и узнанный, осень в зените, ой-вей,
торопись, моё счастье, на скрипочке мне подыграй.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Боль рассыпалась, не хочет сходиться в точку,
не хочет, чтобы её поймали в ладонь, как птичку,
и отпустили. Никто не спросит —
где болит? Боль качнётся внутри и бросит
гирьку в затылок. Тогда, как в часах кукушка,
я прохриплю: «ку-ку, ку-ку», — в темноту, в подушку —
«ку-ку», — не в такт, не мелодично, без ритма и метра,
если ты слышишь меня, я почти бессмертна,
подыши, подуй мне в ключицу, в основание шеи.
Боль окапывается, роет ходы, траншеи,
готовится к обороне, к осаде, к бою,
я потерплю, я привыкну к ней, бог с тобою,
не пугайся, спи, засыпай посреди страницы,
помню — плакать нельзя, жаловаться не годится.

* * *

For G.D.

Не скучно, не грустно — некому руку подать,
а кому хочешь подать, тот не хочет взять,
или не может, в силу разных причин,
всё больше похожих на великий почин
Ангела Смерти,
не живёшь, а ждёшь, кого ещё вычитать,
по кому причитать,
песок в колбе часов начал отсырывать,
пропускают без очереди, экая благодать,
не надо ни занимать, ни на ладони номер писать.
Оттого, что внизу оборвалась нить,
вечность, ака бездна, не перестанет быть,
воспари, возвращайся,
пятнай, догоняй, тебе водить.

ФЪЗОЛЕ

Утро

В этом лесу душистом, где круглый год
птицы поют на дереве земляничном,
где война и охота празднуют свой черёд,
а время прикидывается замеревшим цинично,
здесь, в сыром овраге, прячется единорог,
в это легко поверить, себя представляя в белом
платье, с корзиной цветов у ног,
с пальцами в пальцах, непреходящим делом
занятой — ожиданьем *Его*, впрочем сколько можно,
голова уже вся седа,
грудь обвисла, лоб и глаза в морщинах,
единорог, если и забредёт сюда,
обернётся серым осликом, чертовщина...
Просыпайся! Просыпайся! — будят колокола,
дождь идёт, или кто-то душ принимает,
посмотри в окно, убедись — ты спишь,
ты вечным сном спала,
ФъзOLE тебя из кокона вынимает.

Полдень

Здесь давно не гоняют скотину,
не сбегает Беато* с холма,
но ещё обивают маслины
и румянят кармином дома,
в полдень солнце, прорвавшее с битвой
облаков наступающий строй,
увлечённых ходьбой и молитвой
накрывает волной золотой,
а внизу Fiorenza дымится,
словно крепко заваренный чай,
и туман над сырой черепицей
купола не даёт различать.

* Фра Беато Анжелико (Фра Джованни да Фьезоле) — флорентийский живописец первой половины XV века.

После полудня

В ноябре закругляется к двум
всё, что призвано баловать ум,
зазевался на лавки глаза,
запираются двери музея.
И косая спускается тень,
на две части кромсая фасад,
только птицы поют целый день,
и не может осыпаться сад,
потому что он зелен всегда —
на холсте и на склоне холма —
так живут в ожиданье суда
или мнят, что минует чума.

* * *

Мастер ли я разгадывания кроссвордов,
в чьих лабиринтах память,
играя в прятки, жалит внезапной болью
узнаванья, чтобы потом заставить
ветер с песком и солью
несколько мутных кадров
отретушировать или подправить.

Солнце предпочитает садиться в воду
при большом стечении публики —
на миру и смерть красна́, вернее, красны
убегающие сполохи и блики.
Туч расплывчатые баркасы
заполняют свободу
горизонта, как протокол — улики,

по которым никто не найден, никто не узнан,
кроме вышеназванного заката.
Любящие сильнее, чем сорок тысяч,
далеки, но ни сестры, ни брата
им взамен не отыщешь.
Время — странный союзник,
На пространство только и тароватый.

СОДЕРЖАНИЕ

Слова взаимы

«Один, и признавать, и отпираться...»	7
«Моцарт или иной природы гений...»	8
«Кипарисы и пинии вдоль дороги...»	9
«Прощаться надо раз и навсегда...»	10
В поезде	11
«В ослепительно-ярком пламени...»	12
«На птичьих правах день...»	13
Вокруг пруда (вариация на тему)	14
27 октября 2004 — полное лунное затмение	15
«Один апокалипсис не отличить от другого...»	16

Ключница вечность

«Милые мелочи, малые мощности вольницы...»	19
«О, как подробно жизнь, не моя — чья-то!...»	20
«Безошибочно ритмы сбиваются на раз, два, три...»	21
Письмо из Цурау	22
Можно (Ацтеки в Музее Гугенгейм).	23
Дюрер.	24
Сюиты Баха	25
Жара	26
Восьмистишия.	27
Вьюга	31
Сказочная середина лета	
Бергамо	32
Верона.	33
Понедельник в Мантуе	34
Lago Maggiore	35
Милан	36

В солёном забеге дней

Баллада	39
«Я приснилась тебе почему-то в красном халате...»	40
Навстречу	41
«Проза жизни, оставим её в покое...»	42
Енот.	43
«Я не устала от Парижа, Лондона, Рима...»	44
Яникулум	45
Праздник	46
«Дую в дудку, или молчу...».	47
«Жизнь удлиняется на двести миль...»	48
«Теперь попробуем догнать друг друга...»	49
«Уверенность, что каждый день — начало...»	50
Воздух	51
«Звезда в ветровом стекле...».	52

Талон на жизнь

О весне	55
«Огорчает погода, незаконченный опус...»	56
Поэты.	57
«Научи меня вечность детским своим приколам...»	58
Притча	59
Колыбельная.	60
«Не скучно, не грустно — некому руку подать...».	61
Фьезоле	
Утро	62
Полдень.	63
После полудня	64
«Мастер ли я разгадывания кроссвордов...»	65

МАРИНА ЭСКИНА

Родилась в Ленинграде, с 1990 года живет в Бостоне (США). Автор двух книг стихов: «Край Земли» (СПб., 1996) и «Колючий свет» (СПб., 2002).

Стихи и переводы публиковались в журналах «Звезда», «Нева», «Новый Журнал», «Слово-Word», «Poetry International», «22», и др. Стихи включены в альманахи, антологии, переведены на английский язык.

*Кипарисы и пинии вдоль дороги Ладисполь-Рим
мелькают в окне автобуса, но замечаешь скоро —
точка-тире-точка — это мы говорим
с тем, кто дал нам сердце и разум для разговора.*

*Я говорю — рай, благословенный край,
благословен дающий сфумато дождя и оливки солнца, —
считываю ответ — не выбирай, вбирай,
уходит всё, биенье причастности остаётся.*

*Нет ни вчера, ни завтра, только всего и есть,
что получаешь и отдаёшь случайно.
Морзянка пиний и кипарисов, тайная весть,
которая не хочет, не может остаться тайной.*

